

УДК 94(571.17) «1937»:343.43:622.333

ЧИСТКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУЗБАССА В 1937 г.**Сергей А. Папков¹, @**¹ *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
@sparkov@ya.ru**Поступила в редакцию 11.11.2016.
Принята к печати 29.12.2016.***Ключевые слова:** Кузбасс, инженерно-технические кадры, угольная промышленность, аресты, показательные процессы, Большой террор, руководители комбината.**Аннотация:** В статье анализируются взаимоотношения советского режима с инженерно-техническими и управленческими кадрами на примере одного из крупнейших предприятий СССР. Рассматриваются основные фазы уголовно-политических преследований специалистов в Кузбассе, начиная с «Шахтинского процесса» 1928 г., а также общие масштабы репрессий руководящего персонала угольной отрасли в период Большого террора. Автор отмечает тесную взаимосвязь советской (большевистской) модели экономического развития с применением массовых карательных мер в отношении специалистов. Подчеркивается тот факт, что, не обладая необходимым опытом и управленческими знаниями, советское руководство систематически прибегало к террору в качестве способа преодоления хозяйственного хаоса и возникающих трудностей. Наряду с этим даются оценки политического поведения некоторых региональных руководителей, связанных с кампанией террора. Приводятся новые архивные данные об их трагической судьбе. Формулируется вывод о необходимости расширять источниковую базу для более глубокого исследования репрессий на предприятиях Кузбасса.**Для цитирования:** Папков С. А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 59 – 63. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-59-63.

Изучению промышленного освоения Кузнецкого бассейна в советский период посвящена обширная историография. С эпохи 1930-х г. по этой тематике были изданы десятки монографий, сборников документов и сотни специальных статей, проводились регулярные конференции и научные дискуссии. Между тем некоторые значимые аспекты по разным причинам упускались из виду или просто игнорировались из политических и пропагандистских соображений, в результате чего из исторической памяти оказались надолго изъяты целые пласты крупных событий и общественных процессов, забыты многие советские деятели и организаторы производства.

К числу малоизученных проблем истории Кузбасса, несомненно, относятся события 1937 – 1938 гг., связанные с кампанией массового преследования и физического уничтожения различных «враждебных элементов» и общественных групп, включая также слой советских управленцев. В данной статье ставится задача показать характер и масштаб политической чистки руководящих кадров угольной отрасли Кузбасса на одном лишь отрезке сталинской террористической операции – в 1937 г. Одновременно с этим – представить новые данные о некоторых региональных деятелях партии и государства, ставших жертвами политического террора, как и тысячи других сограждан.

В период реконструкции угольная промышленность Кузбасса занимала ведущее положение в экономике Восточной части СССР. В этой отрасли в Сибири концентрировались десятки тысяч рабочих и инженерно-технических кадров, прибывавших из многих районов Советской России. В 1937 г. здесь действовало 35 шахт в составе восьми крупных угольных трестов с 35-ю тысячами производственных рабочих и сотнями специалистов различной квалификации. Огромный угледобывающий

комплекс – «Кузбассуголь» – был тесно связан с обширным количеством больших и малых промышленных предприятий, с железнодорожным и водным транспортом, с городами Западной Сибири, Урала и регионами Средней Азии [1, с. 40; 2, с. 106; 3, с. 232; 4, с. 43; 5, с. 370].

Эффективная работа и технологический прогресс в «Кузбассугле» зависели прежде всего от тех, кто обладал специальными знаниями и квалификацией, кто способен был наладить повседневную работу шахт и рудников, т. е. от инженеров, техников, механиков и других организаторов производства. Проблема, однако, состояла в том, что в этой части руководству СССР не удавалось достичь стабильного и приемлемого положения. Советские методы использования специалистов, способы стимулирования их труда и социального обеспечения сводились в основном к пропагандистским средствам и диктату, порождая в итоге огромную текучесть кадров. Постоянное стихийное перемещение управленческих кадров, напряженный поиск нужных людей для организации нормальной работы производства являлись хронической болезнью угольной отрасли (таблица).

Эти данные – свидетельство невероятного хаоса, царившего на одном из крупнейших советских комбинатов. В течение нескольких лет индустриализации отрасль ежегодно теряла почти такое же число специалистов, какое поступало вновь. За четыре года в Кузбасс прибыло около 1800 инженеров и техников, а убыло свыше 1600, т. е. фактически закрепилось на шахтах и рудниках всего 168 специалистов – очень выразительный итог советского метода хозяйствования в условиях государственного планирования. Вполне очевидно, что при такой текучести персонала технический прогресс мог поддерживаться лишь каким-то чудесным способом,

а рентабельность угледобычи обеспечиваться за счет высокой стоимости добываемого сырья и интенсивной эксплуатации живого труда, включая принудительный труд

шахтеров-заключенных, спецпереселенцев из крестьян и деклассированных элементов.

Таблица 1. Динамика текучести инженерно-технических кадров на комбинате «Кузбассуголь» в 1934 – 1937 гг. (человек) [6, л. 53]

Table 1. Stuff turnover among engineers at Kuzbassugol plant in 1934 – 1937 (people) [6, p. 53]

Период		Инженеров	Техников	Всего специалистов
1934	Прибыло/Выбыло	186/116	144/268	352/414
1935	Прибыло/Выбыло	201/161	332/263	532/438
1936	Прибыло/Выбыло	229/211	286/234	529/465
1937 (до 1 ноября)	Прибыло/Выбыло	167/107	209/197	376/304
Итого за 1934 – 1937	Прибыло/Выбыло	783/596	971/962	1789/1621

Картина становится еще мрачнее, если принять во внимание невероятную текучесть рабочих рук на комбинате. В этой сфере положение было просто катастрофическим. В 1937 г., когда обозначились признаки некоторой стабилизации, текучесть рабочих на производстве в «Кузбассугле» достигала почти 100 %: прибыло 43133 человека, а убыло 42058 (при среднесписочном количестве рабочих в 35 тыс.). За 9 месяцев 1938 г. уволилось 26310, а было принято 25752 рабочих [7, л. 179 об., 257]. Колоссальные размеры этой стихии превратились в решающий фактор развития угольной отрасли Сибири на длительный период.

Инструментом преодоления возникающих проблем и способом контроля за производством служили систематические чистки и аресты управленческих кадров. Чистки на предприятиях Кузбасса не прекращались никогда, начиная с первых лет советской власти. Аресты, расстрелы, временные амнистии и опять аресты – это странное чередование карательно-судебных мер сопровождало жизнь советских специалистов весь сталинский период как своеобразный регулятор их социального поведения и труда. Репрессии обострялись в моменты политических или хозяйственных кризисов и ослабевали, когда жертв становилось слишком много или цель устрашения считалась достигнутой.

Важной фазой преследования инженеров и техников был 1928 г., когда в обстановке нарастающего социального и экономического кризиса в стране сталинское руководство спровоцировало в среде рабочих очередную волну «спецеудских настроений». Результатом атаки на специалистов дореволюционной школы в этот год стали аресты и инсценировка показательного уголовного Шахтинского процесса по делу «инженеров-вредителей». Процесс имел очень широкий политический резонанс по всей стране, в том числе и в Кузбассе, где также вызвал серию арестов инженерно-технических работников. Главный инженер треста «Сибуголь» М. С. Строилов в эти дни сообщал управляющему трестом Я. К. Абрамову, что 3 июля органами ОГПУ были арестованы пять инженеров-строителей и техник-строитель. «Недели две тому назад, – писал он, – конструктор и производитель работ освобождены, а остальные четыре инженера сидят под арестом до сих пор. (...) 6 июля были арестованы дополнительно еще три инженера: зав. плано-отчетной частью, зав. проектной частью, зав. проектно-плановым бюро, не считая, что арестован еще нач. спасательной станции, главный бухгалтер; был обыск и, наверное, арестуют одного из зав. шахтой...» [8, с. 114].

(Прим. автора: Строилов Михаил Степанович – 1899 г. р. Горный инженер. В 1927 – 1928 – зам. главного инженера Кузбасстреста. С 09.1928 – главный инженер Анжеро-Судженского управления. В 1931 – 1934 – зам. начальника, затем начальник управления рационализации и исследовательских работ объединения «Кузбассуголь». В 1935 – 1936 – гл. инженер и зам. управляющего трестом «Кузбассуголь». Изобрел и внедрил серию механизмов, значительно повысивших угледобычу в Кузбассе. 21.09.1936 г. арестован. Осужден Военной Коллегией Верховного суда СССР 08.09.1941 к ВМН. Расстрелян 11.09.1941.

Абрамов Яков Константинович – 1895 г. р. Горный техник. В 1919 – 1922 – помощник заведующего угольной шахтой в Кузбассе, секретарь Анжерского комитета РКП(б). В 1928 – 1930 – председатель правления треста «Сибуголь» (Новосибирск). В 1930 – 1931 – председатель правления треста «Востокуголь» (Иркутск), затем управляющий трестом «Уралуголь». В 1933 – 1935 – управляющий трестом «Кизелуголь». В 1936 – управляющий трестом Шахтстрой (Донецкая обл.). В декабре 1936 снят с должности; арестован. 22.03.1937 расстрелян).

Атмосфера угнетения и политического психоза в отношении специалистов царил и после 1928 г. В ноябре 1929 г. заместитель руководителя треста «Сибуголь» И. Н. Котин жаловался в Сибкрайисполком, что «административно-технический персонал все время находится на положении уголовного преступника в ожидании, что не сегодня-завтра он попадет под суд» [8, с. 115].

(Прим. автора: Котин Иван Никанорович – 1889 г. р. Горнорабочий. С ноября 1924 – управляющий Кузнецким угольным бассейном. В 1927 – 1928 – председатель правления Автономной индустриальной колонии (АИК-Кузбасс), председатель правления треста «Кузбассуголь». В 1928 – 1929 – зам. председателя правления «Сибуголь». С 1930 – начальник управления капитального строительства; зам. управляющего объединением «Кузбассуголь». В 1937 – управляющий трестом «Дальтрансуголь». Застрелен).

Новая широкая волна арестов последовала в 1936 г. После катастрофического подземного взрыва на шахте «Центральная» Кемеровского района 23 сентября 1936 г., повлекшего гибель и ранение более двух десятков рабочих, началась крупная чекистская операция по выявлению «инженеров-вредителей» в Кузбассе. Аресту подверглись десятки специалистов-угольщиков. В тюремных камерах НКВД оказались не только инженеры взорвавшейся шахты – И. И. Носков, Н. С. Леоненко, И. Е. Коваленко,

М. И. Куров, В. М. Андреев, И. Т. Ляшенко, но и руководители других подразделений: главный инженер рудоправления И. А. Пешехонов, главный инженер комбината «Кузбассуголь» М. С. Строилов и некоторые другие. Итогом этой фазы преследования управленцев стал показательный судебный процесс в ноябре 1936 г. в Новосибирске (известный как «Кемеровский процесс»). Группа инженеров была обвинена в организации вредительства на шахтах, сознательном отравлении рабочих газом, в связях с германской разведкой и приговорена к расстрелу, а еще часть – к длительному заключению в лагерях ГУЛАГа (подробнее см. [8]).

Но в 1937 г. репрессии приняли совершенно новые формы. Содержанием чистки стали теперь не единичные чекистские спецоперации, а широкие и систематические изъятия «враждебных элементов» по определенной схеме – на основе особых квот (планов Политбюро для каждой области и края) и специальной программы обновления кадрового состава [9]. На официальном советском языке кампания 1937 г. именовалась «мероприятиями по очистке партийно-государственного аппарата от классово-чуждых и шпионо-вредительских элементов». К тому моменту как кампания приняла наивысшие масштабы (лето – осень 1937 г.) жертвами ее уже были многие специалисты, включая основных руководителей «Кузбассуголя». В августе был смещен и арестован начальник управления Ю. М. Юнов. В октябре 1937 г. в Москве арестовали его предшественника – Л. И. Плеханова, занимавшего в это время высокий пост в Наркомате оборонной промышленности.

(Прим. автора: Юнов (Новогрудский) Юлий Маркович – 1895 г. р. В 1918 – 1920 – рабочий на химических фабриках в Варшаве, Ростове-на-Дону, Харькове. В 1926 – 1929 – заведующий отделом в тресте «Донуголь» (Харьков). В 1929 – 1930 – зам. управляющего трестом «Кадиевуголь» (Кадиевка, Сталино). В 1930 – 1931 – управляющий трестом «Сталинуголь» (Харьков). В 1931 – 1933 – зам. управляющего трестом «Карагандауголь». В 1933 – 1934 – инженер сектора Донбасса в управлении «Главуголь» (Москва). В 1934 – 1936 – начальник управления «Бурейстрой» (Благовещенск). 12.1936 – 08.1937 – управляющий комбинатом «Кузбассуголь» (Новосибирск). Снят с должности, арестован.

Плеханов Леонид Иванович – 1898 г. р. Инженер. В 1921 – председатель Майкопского окр. исполкома. В 1930 – председатель стекольного треста (Москва). В 1931 – 1932 – зам. директора Московско-Курской ж. д. (Москва). В 1932 – 1934 – зам. управляющего комбинатом «Кузбассуголь» (Новосибирск). 04.1934 – 12.1936 – управляющий комбинатом «Кузбассуголь». В 1937 – начальник инспекции Наркомата оборонной промышленности СССР. 15.10.1937 арестован по обвинен. во вредительстве и к. р. деятельности. Осужден Военной Коллегией Верховного суда СССР 26.11.1937 к ВМН. Расстрелян в тот же день).

Осенью 1937 г. управляющим комбинатом впервые был назначен не специалист отрасли, а партработник – 32-х-летний В. Я. Принцев, который до сих пор руководил отделом в крайкоме ВКП(б) в Новосибирске и активно участвовал в травле своих предшественников, в частности, в смещении начальника комбината Юнова. Теперь же ему предстояло продолжить систематическую чистку аппарата управления. Однако получив должность руководителя, а с нею и ответственность за положение дел на угольном комбинате, Принцеву пришлось изменить свое отношение

к террору. Явно осознавая последствия дальнейших арестов, он не захотел становиться марионеткой карательной машины и в период наиболее интенсивной фазы арестов начал протестовать. В начале декабря 1937 г. он подал письменное заявление в бюро Новосибирского обкома ВКП(б), в котором поставил вопрос «об огульном исключении коммунистов из партии» по вине областных руководителей. Это был очень смелый шаг. Заявление не только противоречило самой сути развернутой кампании, но и было явным демаршем против секретаря обкома И. И. Алексеева, от которого поступали санкции на исключение из партии и аресты.

(Прим. автора: Принцев Вадим Яковлевич – 1905 г. р. В 1921 – 1922 – столяр на железной дороге. В 1923 – 1924 – секретарь Зиминского уездного комитета РКСМ (Иркутская губ.). В 1924 – 1925 – секретарь Ойротского обкома ВЛКСМ (с. Улала). В 1925 – 1928 – секретарь Уймонского аймачного комитета ВКП(б); инструктор обкома РКП(б); заведующий отделом Ойротского обкома ВКП(б). В 1929 – 1930 – заведующий отделом по работе в деревне, заведующий орг. отделом Бийского окружного ВКП(б); инструктор Сибкрайкома ВКП(б). В 1930 – 1932 – заведующий орг. отделом, затем секретарь Омского горкома ВКП(б). В 1934 – 1937 – заведующий отделом промышленности и транспорта Зап.-Сиб. крайкома ВКП(б). В 1937 – 1938 – зам. управляющего, управляющий (с 10.1937) комбинатом «Кузбассуголь». 02.03.1938 арестован. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 13.11.1938 к ВМН. Приговор отменен. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 27.09.1941 приговорен к 8-ми годам ИТЛ «за принадлежность к контрреволюционной вредительской организации». Вновь арестован в 1949, отправлен в ссылку. Реабилитирован в 1955 г.)

Как руководитель крупного предприятия Принцев располагал многими сведениями о кадровой проблеме и представлял реальную картину террора в Кузбассе. В одной из секретных записок в обком партии он сообщал, что в течение 1937 г. (исключая декабрь) «в порядке очистки аппарата» из центрального управления «Кузбассуголя» был снят 61 человек, из них 21 арестованы. А с руководящей работы в трестах, шахтах и механических заводах снято 57 человек, из них арестовано 40 человек» [6, л. 50].

В числе изъятых «вредителей» и «врагов народа» Принцев методично (по каждому кварталу года) перечислял основных должностных лиц, словно речь шла о плановых перемещениях: «Управляющих трестами снято 6 человек, из них арестовано – 5 человек. Главных инженеров трестов снято 3 человека, из них арестовано 2. Пом. управляющих трестами снято 6 человек, из них арестовано 4. Главных механиков трестов снято 3 человека, из них арестован 1. Управляющих шахтами снято 21 человек, из них арестовано 13. Главных инженеров шахт снято 12 человек, из них арестовано 10. Директоров и главных инженеров мехзаводов снято 6 человек, из них арестовано 5».

К этой поразительной статистике управляющий комбинатом добавлял также сведения по вспомогательным участкам комбината: «За этот же год из состава работников остальных ответственных работ в трестах, шахтах, мехзаводах арестовано (по неполным данным) 148 человек, из них: в 1-м квартале – 7 человек, 2-м – 19 человек, 3-м – 48, 4-м – 74».

Полными сведениями не располагал даже главный начальник. Но и без них было вполне очевидно, что число

арестов в «Кузбассугле» росло поступательно и к декабрю достигло максимальных (за 1937 г.) значений. Поэтому общие данные кадровых потерь, представленные руководителем комбината, следует дополнить как минимум еще несколькими десятками репрессированных специалистов.

Список изгнанных и арестованных включал работников многочисленных служб и отделов. Кроме начальника комбината М. Ю. Юнова, продержавшегося в должности около 9-ти месяцев, в нем фигурировали сотрудники центрального аппарата, у каждого из которых имелись «компрометирующие биографические данные»: инженеры В. К. Статкевич («бывший дворянин»), И. С. Загоровский («в 1917 – 1922 состоял членом еврейской компартии»), П. И. Ржандковский («из почетных граждан»), В. В. Галинский («из дворян, быв. офицер, служил в белой армии»), К. А. Ушаков («выслан по ст. 58-7 на 10 лет»), С. И. Косов («прапорщик в старой армии»), главный механик комбината Ф. П. Двинин («вредитель»), начальник транспортного отдела Е. С. Немировский («работал в германских фирмах, был в Германии, Китае»), начальник Углеснаба Б. Е. Любомирский («исключен из партии за контрреволюционные связи») и масса других специалистов – инженеров, техников, экономистов, механиков, конструкторов, научных сотрудников, консультантов, инспекторов, юристов, секретарей...

К началу 1938 г. количество специалистов Кузбасса – жертв террора исчислялось сотнями. Места изъятых «врагов» заняли новые лица, с гораздо меньшим профессиональным стажем и меньшим опытом управления. Однако Сталин потребовал продолжить массовую операцию и «очищение» управленческого аппарата. Рассылая в этот период секретные телеграммы в обкомы и крайкомы, сам Сталин предпочитал оставаться в тени. Поэтому новая атака на местные кадры, возобновившаяся по указанию из Москвы, выглядела как очередная инициатива секретарей обкомов и начальников управлений НКВД. Именно так воспринимал ситуацию и управляющий комбинатом В. Я. Принцев. Когда массовые аресты в «Кузбассугле» вновь приняли характер эпидемии, он опять увидел в этом руку секретаря Алексева. В феврале 1938 г. он обратился с письмом к наркому Л. М. Кагановичу в надежде остановить произвол. В своем письме Принцев сообщал об «обстановке огульного недоверия и методах избиения партийного, советского и хозяйственного актива, созданной в Новосибирске секретарем обкома Алексевым».

Естественно, что инициатива управляющего была воспринята как открытый вызов первому секретарю. Через месяц Принцев был арестован. Как и других управленцев комбината, его поместили в Новосибирскую тюрьму УНКВД и развернули длительное чекистское следствие по делу о вредительстве. Он обвинялся в принадлежности к правотроцкистской организации, а также в целой серии преступных действий с участием сообщников [6, л. 47]: в январе 1938 г. через участника организации Кузьмича [главный инженер комбината, также арестован – С. П.] подготовил и осуществил взрыв на шахте им. Сталина; готовил взрыв динамитного склада; передавал указания Эйхе [секретарь крайкома ВКП(б), арестован в апреле 1938, расстрелян в феврале 1940 – С. П.] о введении вредительской камерно-столбовой системы выработок; проводил повстанческую работу; срывал выполнение правительственных директив о ликвидации хищнических систем угледобычи и внедрению новых систем с закладкой;

задерживал строительство закладочных карьеров в основных районах Кузбасса; путем сокращения кредитов срывал жилищное строительство, создавал условия для нарушения техники безопасности на шахтах, в результате чего число несчастных случаев за период его работы в Кузбассе резко возросло. В 3-м квартале 1937 г. несчастных случаев было 4488, а в 4-м квартале 1937 г. – 4799, в 1-м квартале 1938 – 5337 несчастных случаев.

Строго говоря, Принцеву предстояло понести уголовную ответственность за все провалы и ошибки, допущенные сталинским правительством и прежними начальниками в освоении Кузнецкого бассейна.

Поскольку Принцев не был немедленно расстрелян, как это происходило в 1937 г. в отношении большинства арестованных руководителей, и в то же время открылись возможности для осторожного пересмотра дел, он начал бороться за свою жизнь. Принцев стал обращаться с письмами и заявлениями в различные судебные инстанции, а также в Новосибирский обком ВКП(б) и одновременно к Л. М. Кагановичу – своему бывшему непосредственному начальнику в правительстве. В одном из них Принцев сообщал подробности о своем пребывании в следственной тюрьме НКВД: «... Меня 58 суток непрерывно держали на допросе, не выпуская из кабинета следователя, десятками суток подряд не давали ни минуты спать, по несколько суток держали совершенно без пищи, ...одевали наручники и ставили в угол на «выстойку», били и т. п. В итоге таких методов морально-физического воздействия я был доведен до жуткого состояния, начались припадки сумасшествия, галлюцинации и т. п., и я, конечно, оказался слабовольным человеком и доведенным до отчаяния подписал всю ложь и клевету, которую от меня требовали (...).

Лазарь Моисеевич! Я Вас прошу одного – вмешайтесь пожалуйста, пошлите провести глубокую проверку работы УНКВД НСО, ибо здесь вольно или невольно делается злое, черное контрреволюционное дело, заставьте вновь провести по моему делу следствие, заставьте Новосибирский обком ВКП(б) проверить и руководить УНКВД и не относиться по бюрократически к заявлениям и сигналам, посылаемых ему и проверить их» [6, л. 42, 44].

В конечном счете террор разметал всех, развиваясь по своему собственному сценарию. В ноябре 1938-го Алексей был арестован и спустя два месяца расстрелян. Принцеву удалось избежать казни. Вынесенный ему в ноябре 1938 г. смертный приговор был отменен, но следствие продолжилось еще почти на три года. Только с началом войны, в сентябре 1941-го в спешном порядке Принцев был приговорен Особым совещанием НКВД к 8-ми годам лагерей. Он провел в заключении и ссылке около 16 лет и получил полную реабилитацию в 1955 г. [10].

Таким образом, в кампании террора лишь на одном угольном комбинате переплелись интересы и трагедии инженеров и партработников, карьерные расчеты местных руководителей и высших должностных лиц. (Сколько при этом оказалось жертв среди рядовых рабочих и служащих комбината – особая и очень большая тема для специального исследования).

Кампания террора на комбинате активно продолжалась и в 1938 г. Однако выявить ее реальные масштабы и последствия невозможно без всестороннего изучения все еще закрытых источников.

Литература

1. Новосибирская область. Экономико-географическое описание. Новосибирск, 1939. 250 с.
2. Горняки Кузбасса. Новосибирск, 1971. 284 с.
3. Угольная промышленность СССР. Стат. справочник. М.: Углетехиздат, 1957. 368 с.
4. Рашин А. Г. Динамика промышленных кадров СССР за 1917 – 1958 гг. // Изменения в численности и составе советского рабочего класса: сб. статей. М., 1961.
5. История Сибири. Сибирь в период строительства социализма. Т. 4. Л.: Наука, 1968. 501 с.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П. 3. Оп. 14. Д. 362.
7. ГАО. Ф. П. 4. Оп. 2. Д. 347.
8. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН. 2012. 440 с.
9. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф. 2008. 778 с.
10. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Новосибирской области. Д. П-3413.

PURGES AMONG THE ADMINISTRATIVE PERSONELL OF THE COAL INDUSTRY IN KUZNETSK BASIN IN 1937

Sergey A. Papkov^{1,*}

¹ Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090
* spapkov@ya.ru

Received 11.11.2016.

Accepted 29.12.2016.

Keywords: Kuzbass, engineering and technical personnel, the coal industry, arrests, show trials, Great terror, the plant managers.

Abstract: The article analyzes the relationship of the Soviet regime with the engineering, technical and managerial personnel on the example of one of the largest enterprises of the USSR. The article features the main stages of the criminal persecution of experts in Kuzbass, starting with the "Shakhty trial" in 1928, as well as the overall scale of repression of the managing staff of the coal industry during the Great Terror. The author notes the close relationship of the Soviet (Bolshevik) model of economic development with the use of mass reprisals against staff. The article highlights the fact that, lacking the necessary expertise and managerial knowledge, Soviet authorities systematically resorted to terror as a means of overcoming the economic chaos and difficulties encountered. In addition, the assessment of political behavior of some of the regional leaders connected with the terror campaign is given. The article presents new historical data about their tragic fate. It draws conclusions about the need to expand the source base for a deeper study of repressions at Kuzbass enterprises.

For citation: Papkov S. A. Chistka upravlencheskikh kadrov ugol'noi promyshlennosti Kuzbassa v 1937 g. [Purges among the Administrative Personell of the Coal Industry in Kuznetsk Basin in 1937]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 59 – 63. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-59-63.

References

1. *Novosibirskaya oblast'. Ekonomiko-geograficheskoe opisanie* [Novosibirsk oblast. Ekonomiko-geographical description]. Novosibirsk, 1939, 250.
2. *Gorniki Kuzbassa* [The Miners Of Kuzbass]. Novosibirsk, 1971, 284.
3. *Ugol'naya promyshlennost' SSSR* [The coal industry of the USSR]. Moscow: Ugletekhizdat, 1957, 368.
4. Rashin A. G. Dinamika promyshlennykh kadrov SSSR za 1917 – 1958 gg. [The dynamics of industrial personnel, USSR, 1917 – 1958]. *Izmeneniia v chislennosti i sostave sovetskogo rabochego klassa* [Changes in the size and composition of the Soviet working class]. Moscow, 1961.
5. *Istoriia Sibiri. Sibir' v period stroitel'stva sotsializma* [History Of Siberia. Siberia in the period of socialist construction]. Leningrad: Nauka, vol. 4 (1968): 501.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [State archive of Novosibirsk region]. Found P. 3, List 14, File 362.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State archive of Novosibirsk region]. Found P. 4, List 2, File 347.
8. Papkov S. A. *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440.
9. Junge M., Bordiugov G., Binner R. *Vertikal' Bol'shogo terrora. Istoriia operatsii po prikazu NKVD № 00447* [The vertical of the Great terror. The story of the operation to NKVD order No. 00447]. Moscow: Novyi Khronograf, 2008, 778.
10. *Arkhir Upravleniia Federal'noi sluzhby bezopasnosti po Novosibirskoi oblasti* [The files of the office of the Federal security service across the Novosibirsk region]. File P-3413.